

Поднявшийся во дворце гул унял сам король.

Арнард Второй сменил тему прежде, чем ропот в рядах дворян набрал силу. Он подозвал графа Монтеня.

«Итак, просьбу Колома мы услышали, теперь же узнаем, что на это скажет Павитон. Граф Монтень, вам слово.»

Но, вместо того, чтобы высказаться самому, граф Монтень попросил за другого человека.

«Ваше величество, наиболее яростно сражавшимся против Колома для защиты ваших территорий командиром был барон Широн. Если б он не остановил основные силы Колома, наш феодал несомненно бы пал. Поэтому, прошу вас, позвольте высказаться барону Широну вместо меня.»

Ропот среди аристократов стал ещё громче.

То, что Широн хорошо проявил себя в решающей битве, уже известно. Однако никто и не думал, что вклад его настолько велик, что граф Монтень позволит себе обратиться с таким смелым заявлением.

О таком не подозревал даже сам король. Потому что, согласно отчётам маркиза Бальфона и герцога Лебуэля, заслуга того была не так уж высока.

Теперь в лице изменились сразу и Бальфон, и Лебуэль. Заметил это Широн или нет, но он шагнул вперёд и опустился на колени прежде, чем ропот в зале достиг пика.

«Позвольте обратиться, ваше величество? Я осознаю, насколько важен данный вопрос, и понимаю, что не имею права в одиночку судить за всех галикцев. Потому, прежде чем приехать, я опросил жителей Павитона.»

Покончив со вступлением, Широн украдкой глянул на канцлера Базелица, что стоял с ним на коленях бок о бок. Как и ожидалось, Базелиц не сводил с него глаз.

Да и могло ли быть иначе? Ведь это из-за Широма великая армия Колома потерпела фиаско. Так что тот непременно захотел бы его как следует рассмотреть, хотя бы из любопытства.

Увидев Широма своими глазами, Базелиц был удивлён. Ранее канцлер слышал о нём лишь со слов графа Любека. И истории те можно было резюмировать следующим образом:

«Молодой, но очень страшный человек. Он совершенно непохож на других рыцарей Галика. Это образцовый рыцарь, обладающий хладнокровностью и бесстрашием.»

На основании отзыва, Базелиц ожидал увидеть бойца без страха и упрёка. И потому внутренне расслабился. Потому как, если Широн действительно таков, то светское общество Галика его не примет. Объявись тот в Коломе, его талант наверняка оценили бы по заслугам, но это точно не тот типаж, который придётся по вкусу галикской знати.

Но человек, которого он видел вживую, сильно отличался от представленного образа. Он казался мягким, спокойным, и, что самое важное, аристократичным. Именно таких людей ценили дворяне Галика.

«Как такое возможно? Не может ведь быть, чтобы Любек настолько ошибся в суждениях? Или

же это Широн так искушён? Искушён до такой степени, что когда требуется, является бесстрашным рыцарем, а в иной обстановке становится любезным и обходительным? Но... не может ведь он и в самом деле быть так страшен?!»

Разум Базелица пребывал в смятении. Сердце кольнуло беспокойством.

Заметил его замешательство Арнард Второй или нет, он обратился к Широну: «Итак? Что же думают жители Павитона? Позволь нам это услышать. Вырази общественное мнение павитонцев.»

«Мне жаль это говорить, но мнения разделились. Поначалу многие павитонцы были против помощи. Ведь их родители и братья убиты солдатами Колома, имущество разграблено, а сёстры обещены. Просто ли отринуть такую боль? Но, с другой стороны, страх перед Арманской империей тоже силён. Близость к границе Колома не может не тревожить, однако Арман ещё более опасный противник. Так что жители Павитона пришли к следующему выводу...»

Широн ненадолго умолк перед важным заявлением. Дождавшись, пока всеобщее внимание достигнет апогея, он произнёс: «...Довериться мудрости его величества.»

Слова Широна оказались неожиданными. Ропот снова усилился. Глаза герцога Лебуэля, маркиза Бальфона и даже прибывшего в качестве посла канцлера Базелица расширились.

Король тоже удивился и потому переспросил: «К какому, говоришь, выводу, пришли жители Павитона?»

«Мы не можем знать, что правильно, а что нет. У нас не имеется соответствующего опыта, чтобы судить, стоит ли высылать подкрепление. Вот почему мы, жители Павитона, решили довериться вашему величеству и последовать вашей воле. Точно так же, как коровы доверяют своему хозяину, а овцы следуют за чабаном, мы двинемся за вашим величеством. Если прикажете выслать войска, мы пойдём в бой в первых рядах, пусть нас и не так много. А ежели решите бросить Колом на произвол судьбы, мы тоже подчинимся вашей воле.»

Сказав это, Широн склонил голову к самому полу. Приняв ту же позу, что и Базелиц, он громко вскричал: «Ваше величество, Галик принадлежит вам и только вам! От рек и гор, до жизней подданных и даже рабов – всё зависит исключительно от вашей воли. Ваше величество, просим, примите решение! И позвольте народу стать вашими мечом и копьём.»

Гроах!

Власть абсолютного монарха!

Весь дворец был потрясён. Широн призывал перейти к абсолютной монархии. Форме правления, сосредотачивающей власть в руках короля и подавляющей влияние всех прочих! Королевстве, где король руководит народом напрямую, минуя прослойку дворянского класса!

Арнард Второй почувствовал возбуждение. Пока он взирал на склонившего голову Широна, веки его трепетали. Руки тоже стало заметно потряхивать.

Как тут не волноваться? Да кто ещё из вассалов осмелится провозгласить, что весь Галик принадлежит исключительно королю? Прежде во дворце этого не делал никто!

«О, какой же преданный народ! Жители Павитона – люди исключительной верности! А ты – самый преданный вассал на Земле! Давно я не был так счастлив, как теперь! Это была

потрясающая речь. Великолепно сказано! И я действительно вынесу решение сам. Да-да, как и должно быть всегда!»

От подобного заявления Арнарда Второго вельможи вытаращили глаза. Они не понимали, что здесь происходит. Даже многоопытный герцог Лебуэль лишь растеряно крутил головой.

Задул ветер. В Беньоне, где вот уже много лет царило затишье, поднялся бриз. Бриз, что вскоре превратится в лютый шторм. Что станет ветром великих перемен, сдует всё, что было прежде и принесёт в Беньон новый порядок.

И в его основе стоит Широн!

Есть такое выражение – «зол до безумия». Именно оно описывало сейчас состояние маркиза Бальфона. Он злился так, что казалось, будто его целиком, до самой маковки, окутало пламя.

Хруст сжатых до отказа кулаков не перепутать ни с чем.

«Маленький, мурлычущий котёнок, к которому я проявил снисхождение... и он осмелился ударить в спину?! Ублю-удок!»

К хрусту костей добавился зубовой скрежет. Маркиз потрясал кулаками. Глаза наливались кровью. Это происходило по мере того, как внутри нарастала злоба.

После того, как отведал вкус крови в северной долине Павитона, он превратился в падшего мечника. До того он ещё следовал истинному пути меча.

Но, испив крови, он уже не мог ничего поделать со злобой. Потому что на первый план вырвалась его истинная суть. Невероятной злобности натура, что существовала в глубине души всегда!

Она и превратила его в падшего мечника. Любой, кто видел меч маркиза Бальфона в былые времена, не поверил бы глазам, узрев, как сильно тот изменился. А перемены были кардинальны. Аура его покраснела, а стиль боя стал более жестоким и вселял ужас.

А сильнее всего изменилось восприятие. Он стал агрессивен во всём, за что ни брался, и жажда убийства в душе только росла.

И это было закономерно. Как можно не измениться, зарубив собственными руками подчинённых, что доверяли и следовали за тобой?

«Почему его до сих пор нет, а?» – маркиз принялся грызть ноготь большого пальца.

Привычка грызть ногти появилась у него недавно. Или, если точнее, возникла повторно.

Детская привычка пробовать всё подряд на зуб, должно быть, тайно жила где-то глубоко внутри маркиза. А потом, по какой-то причине, например, из-за произошедшего в Павитоне, вновь вылезла на поверхность.

Человек, которого маркиз поджидал с таким нетерпением – некто иной, как Широн. Тот, кто ошеломил всю знать в присутствии Арнарда Второго.

Из всех находящихся в королевском дворце аристократов, сильнее всех поражены были герцог Лебуэль и маркиз Бальфон. Особенно последний, чувствовавший себя так, словно его огрели по макушке чем-то тяжёлым.

Он рассматривал Широ́на как послушного охотничьего пса. С этой точки зрения, как ещё можно воспринимать случившееся, ежели не как дерзкую попытку цапнуть хозяина за ногу?

«Ублюдку стоит преподать урок. Обучить так, чтоб не смел более безобразничать. Я ему покажу, кто здесь хозяин!» – вновь стиснул зубы маркиз Бальфон.

Спустя некоторое время Широ́н всё же появился. Но заметил он или нет, что лик маркиза напоминает маску злого духа, лицо его хранило спокойствие.

«Что-то случилось? Вы позвали меня в столь уединённое место, потому что вам нужна помощь? А резиденция ваша, господин маркиз, действительно огромна! Найти это место было не так просто!»

Нахальная морда!!!

Губы Бальфона неприятно искривились.

«Сейчас я покажу выродку, куда надо гадить!»

Вжу-уу!

Стремительным движением Бальфон выхватил меч. Молочная аура кристаллизовалась и увеличила клинок на десять сантиметров.

Но десять сантиметров составляла лишь длина кристаллизованной ауры. Злобная энергия, также вырывающаяся из меча, была гораздо длиннее.

В этом смысле маркиз, безусловно, стал куда более продвинут. Пусть, утратив душевный покой, он и регрессировал на пути истинного меча, однако сила его атаки заметно увеличилась.

Но Широ́н по-прежнему оставался спокоен. Став свидетелем жуткой злобы, источаемой Бальфоном, он не выказал ни страха, ни колебаний. На самом деле, показалось даже, что улыбка на его устах стала шире.

Яркое несоответствие!

Вот что ощутил Бальфон в противнике. Он не мог понять, чем вызвана расслабленность парня, но появившийся в сердце маркиза дискомфорт, очевидно, относился именно к этому.

По крайней мере, он так думал. Решив это чувство игнорировать, он надавил на Широ́на.

«Дерзкий ублюдок! Я покажу тебе, что бывает с собакой, кусающей своего хозяина!»

Маркиз шагнул вперёд, отрезая Широ́ну путь к отступлению. Лютая злоба, исходящая от него, стала ещё насыщенней.

Вспш-шш!

Вдруг глаза Широ́на полыхнули. Вспышка была столь яркой, что Бальфону пришлось прищуриться. При том, что пламя то было не красным, а чёрным.

В глазах Широ́на пылала чернильная Тьма. И вот кромешный мрак разрезали тонкие вертикальные полосы. Разрыв!

Чёрное пламя! Глаза Стено! Глаза Скверны!

Проклятая сила призрака явилась.

Уголки губ Широ́на тоже неприятно искривились. И выглядело это раз в сто страшнее и в тысячу раз отвратнее, чем предыдущая улыбка маркиза Бальфона.

Кроме того, этот озноб!

Энергия холода и сырости, сходявшая с губ Широ́на была столь подавляющей, что живым её трудно было вынести.

Тело маркиза замерло. Оно коченело, точно превращаясь в камень. Возможно потому, что его дух был подавлен.

С момента, как он увидел змеиные зрачки Широ́на, сердце ухнуло в пятки. Тело перестало слушаться. Мышцы принялись неконтролируемо дрожать.

Маркиза подавили раньше, чем он смог как следует замахнуться мечом. С прежним Бальфоном такой фокус не прошёл бы. Будь он по-прежнему следовавшим истинному пути меча рыцарем, его нельзя было бы одолеть подобным образом.

Но Бальфон отказался от истинного меча, выбрав меч душегуба. Поддавшись искушению, он уже не мог освободиться от хватки Широ́на. Ведь Бастион Душ – это средоточие всякого рода зла, греха и похоти!

Слова Широ́на громом отозвались в ушах Бальфона.

«Дерз-ка-я тварь!!!»

Четыре резких, отрывистых слога!

Казалось, они глубоко впечатываются прямо в мозг.

Невыносимый ужас! Маркиз был так напуган, что из глаз его потекли слёзы.

Сердце остановилось и никак не запускалось вновь. Казалось, если давление срочно не ослабнет, то маркиз умрёт от остановки сердца.

Но он не мог заставить себя пошевелить и пальцем. Хотелось позвать на помощь, но не получалось открыть рот.

Ш-шш...

Глаза вновь пугающе почернели!

Отменив Глаза Змея, Широ́н с ледяным холодом в голосе заговорил: «Дерзкая тварь, я мог бы заставить застыть кровь в твоих венах и убить на месте, но не стану. Ну а коли пришёл в себя, суди сам, кто тут хозяин, а кто собака.»

Тудум-тудум-тудум!

Сердце вновь забилося, погнав по телу кровь. Теперь Бальфон опять мог двигаться. Онемевшие конечности закололо, однако контроль над телом быстро восстанавливался.

Но маркиз и пальцем не шевельнул, чтобы напасть на Широна. Более того - выронил меч из рук.

Мурашки по всему телу! Губы посинели, а в глазах маркиза плескался ужас.

«К-кто... к-кто в-вы?»

Всё, что он мог - спросить у Широна, кто он такой.

Мысли давались с трудом. Он даже не понял, что, будучи столичным маркизом, обратился на «вы» к барону из захолустья.

<http://tl.rulate.ru/book/104928/4467518>